

Глава I

— Я вырву его лживый язык, — процедила леди Порция Дерринг, высматривая пропавшего кучера на безлюдной дороге, затерянной между густыми колючими утесниками и каменистыми холмами.

Ледяной ветер едва не сорвал с нее шляпку. Ноющие от холода, одеревенелые пальцы вцепились в истрепанные ленточки под подбородком. Соломенный головной убор, хоть и давным-давно вышедший из моды, был ее лучшей шляпкой, и она не хотела его потерять.

— Опять в окно смотрите? — спросила Нэтти.

Откинувшись на спинку сиденья, Порция тяжело вздохнула и провозгласила:

— Мы пропали. Джон не вернется.

— Вернется, — без тени сомнения в голосе ответила горничная, поудобнее устраивая на потертых подушках свои пышные формы. — Подремали бы лучше.

Порция насупила брови.

— Чтобы позволить разбойникам застать нас врасплох? Отличная мысль, да уж.

Нэтти зевнула во весь рот, так широко, что Порция могла рассмотреть миндалины в глубине ее горла. Так она несколько раз открывала и закрывала рот с неприличным чмокающим звуком, пока не добавила:

— А что вы так волнуетесь-то?

Порция ткнула пальцем в потолок неподвижной кареты.

— Если ты не заметила, нас бросил наш пьянчуга кучер. — Она кивнула на окно, за которым небо уже подернулось фиолетовой дымкой. — А я не горю желанием провести ночь в этой скрипучей колымаге.

Нэтти приподняла рыжеватые брови и выглянула в окно. Порция посмотрела в ту же сторону, сначала на грубые известняковые холмы, затем на бегущие по небу темные облака, и притихла, пораженная этой первозданной красотой. В милях от цивилизации. От семьи и от таких слов, как «долг», «ответственность»... «брак». Сердце Порции взыграло, ее шаткое положение вдруг перестало казаться столь уж бедственным. Невидимые оковы спали, и она впервые за годы смогла вздохнуть полной грудью.

Нэтти поцокала языком.

— Уж вы на этот раз натворили дел, раз старая птичка вас в такую-то даль заслала.

Порция щелчком пальца сбила с синей шерстяной юбки пылинку и проглотила возражение, которое так и крутилось у нее на языке.

— Не знаю, о чем это вы, — солгала она. — Я ничего не делала. Ничего плохого.

— Ничего, — фыркнула ее наглая горничная. — Пять лет сплошного *ничего*. Но ваше времечко кончилось. — Она кивнула так, будто это ее радовало. — Я слышала то, что сказала ваша бабушка.

— Снова подслушивали под дверь? — укорила ее Порция.

— Либо вы сами выберете, либо они выберут за вас. И, если спросите меня, я вот что скажу: они уже давно должны были положить конец этим вашим капризам.

— Вас никто не спрашивает, — бросила Порция.

Пожав плечами, круглолицая горничная снова посмотрела в окно, подарив Порции миг покоя, прежде чем осведомилась:

— Неужто в городе богачей не хватало? Не думаю, что на этой Богом забытой земле сыщется хоть один денежный мешок. —

Тряхнув медно-рыжими волосами, Нэтти повернулась и посмотрела на госпожу так, что не оставалось ни малейшего сомнения в том, кого она считала виновницей их изгнания из города. — Скажите хотя бы, что мы уже почти добрались.

— Джон ничего не говорил, но, наверное, мы уже близко.

Не то чтобы их кучер много чего сообщил перед тем, как уйти по дороге. Обещание Джона вернуться через час даже тогда прозвучало как-то не слишком убедительно, тем более что в его дыхании ощущался джин.

— Нужно было ехать на почтовой карете, — пробормотала Порция.

Впрочем, бабушка вряд ли позволила бы подобное. Дерринги никогда не опускались до общественного транспорта, в каком бы отчаянном положении ни находились. В конце концов, нужно было держать марку. Дерринг не имеет права *выглядеть* бедняком. Даже если у него ветер гуляет в карманах.

— Вы, поди, уже и сожалеете, что не выбрали кого-то из богачей в городе, а?

Порция, борясь с желанием скорчить гримаску, снова повернулась к окну, чтобы не показать горничной полное отсутствие какого бы то ни было раскаяния. Большое дело — очередной отвергнутый поклонник, если она привыкла к тому, что семья навязывает ей их дюжинами.

Порция выглянула между потрепанными занавесками. Безотрадный вид трепыхающихся на ветру утесников и вереска, одновременно величественный и унылый, точно омыл ее душу бальзамом. Он тронул нечто глубинное, спавшее в потаенном месте и не чувствовавшее ничего уже несколько лет. Глядя на заросли вереска, трудно было представить что-то хотя бы отдаленно похожее на светские гостиные, и она была этому искренне рада.

— Не особенно, — ответила Порция, вдыхая чистый воздух, поцелованный губами уходящей зимы.

Для нее возможность сбежать была редким удовольствием, долгожданным отдыхом. Ведь сильнее всего на свете она мечтала

отправиться в путешествие, почувствовать вкус свободы и приключений, ощущаемый ее матерью сполна и каждый день.

И не важно, что впереди Порцию ждал новый поклонник и необходимость отвечать на его знаки внимания. Ведь для нее это было возможностью сбежать от скуки очередного сезона, покинуть аукционную площадку, в которую превратилась ее жизнь, избавиться от вечного ворчания родственников. От всепроникающего чувства одиночества, заставлявшего ее ждать затаив дыхание, наблюдать и искать, искать, искать, надеясь заполнить пустоту в груди.

Даже без матери Порция понимала, что именно тянуло ее отправиться в неизведанные края. Горячее дыхание упадка не достигало Италии, Греции, а также Испании либо того места, которое ее мать сейчас называла своим домом.

Порция надолго закрыла глаза, она изо всех сил попыталась стряхнуть с себя путы мира, чтобы вообразить, будто едет отдыхать по собственному желанию, а не повинуюсь условиям очередных навязываемых отношений.

— С меня хватит, — провозгласила Порция, поправляя шляпку и решительным движением перекалывая шляпную булавку на новое место.

— Куда вы собрались?

— Хочу найти кого-нибудь, кто бы нам помог. — Порция взялась за ручку и отворила дверь кареты. Подобно дикому зверю, таившемуся в засаде, ветер набросился на дверцу и захлопнул ее. Порция поймала ее ладонью и, ворча от натуги, открыла снова. — Кто-то же должен это сделать. На Джона надежды нет. — Собрав юбки одной рукой, она добавила: — Можете пойти со мной. Короткая прогулка придаст вам сил.

— Большое спасибо, но я лучше останусь здесь, где тепло и сухо. — Сопя, Нэтти поерзала на сиденье и стала подбирать юбки, чтобы прикрыть толстые молочно-белые ноги.

При взгляде на дикий, продуваемый ветром пейзаж и темнеющие с каждой минутой небеса Порция ощутила секундное сомнение. Подавив в себе это чувство, она спрыгнула на землю,

и ее ноги, как два камня, погрузились в воду. Грязь, всколыхнувшись, залилась в ее ботинки. Высоко подняв юбки, Порция поморщила нос из-за отвратительного ощущения жижи, чавкающей между пальцами ног. В следующий миг порыв ветра налетел на нее, распахнул плащ, оставив беззащитной перед пронзительным холодом.

— З-замечательно, — процедила она, стуча зубами и таща сквозь слякоть сначала одну ногу, потом другую.

Она не могла себе позволить загубить пару хороших ботинок. Магазины на Бонд-стрит вежливо, но твердо отказали ее семье в продлении кредита. В ближайшем будущем новой обуви ей было не видать.

— С такой скоростью вы до ближайшей деревни только к завтраму доберетесь.

Бросив взгляд через плечо, Порция ускорила шаг, оставляя позади карету и надоедливую горничную.

С трудом вырывая ноги из вязкой грязи, она шла вперед. Легкие Порции расширились и начали болеть от наполнившего их морозного воздуха. В глубине души все сильнее разгоралась заманчивая мысль о том, чтобы вернуться в карету, в которой сухо и сохраняется хоть какое-то тепло. И все же ей не хотелось провести остаток своих дней в заплесневевшем экипаже рядом с горничной. А Джон — гадкий пьянчужка — скорее всего, упал где-нибудь носом в канаву. С такими невеселыми мыслями она, втянув губы между зубов, продолжала пробираться вперед.

Подол плаща тянулся сзади, замедляя и без того небыстрое продвижение. Молния озарила горизонт. Порция вздрогнула и остановилась. Задрав голову, она посмотрела на небо. На ее щеку упала крупная капля дождя.

— Ну разумеется, — проворчала девушка. Брошенная. Несчастливая. Замерзшая. Дождь с грозой был совершенно предсказуем.

А потом тучи разверзлись.

Капли хлынули ей на лицо, заливая глаза. Ледяные струйки побежали по шее, заползли под одежду, оставляя за собой гусиновую кожу.